

Становление погребальной практики на востоке Евразии: пещера Чжоукоудянь

О. В. Яншина*

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В свете реконструкции ранних этапов становления погребальных практик на востоке Азии рассмотрены материалы пещеры Чжоукоудянь. Новые датировки определяют ее возраст в интервале 33,5–38,4 тыс. кал. л. н., причем между ней и другими погребениями здесь образуется разрыв в 10–15 тысячелетий. Между тем неопровержимых аргументов в пользу намеренного захоронения людей в пещере нет. Сам факт использования пещеры и неполный состав костяков связывают ее, скорее, с широким кругом палеолитических стоянок и находками разрозненных костей человека. Однако это плохо согласуется с необычным составом находок, явно указывающим на захоронение. При этом пространственный анализ украшений позволяет провести некоторые аналогии между пещерой и ранневерхнепалеолитическими памятниками, расположенными к западу и юго-западу.

Ключевые слова: Восточная Азия, пещера Чжоукоудянь, погребальная практика, украшения, радиоуглеродное датирование.

Для цитирования: Яншина О. В. Становление погребальной практики на востоке Евразии: пещера Чжоукоудянь // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 41. С. 81–91. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.41.81>

Origins of Burial Practices in Eastern Part of Eurasia: The Case of Zhoukoudian Cave

O. V. Yanshina*

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. This paper examines characteristic features of the Zhoukoudian cave. This site is rather well known to specialists, but mainly from the work of anthropologists, but not as a funerary complex. Therefore, there is every reason to consider its records from this point of view to understand how they fit into the general line of burial practice development in the eastern part of Asia. New carbon dates determine the cave age in the range of 33.5–38.4 thousand years cal. BP and turn it into the earliest burial complex of the region. However, in this case, there appears a gap of ten to fifteen thousand years between it and other Upper Paleolithic burials known in eastern part of Asia. Besides Zhoukoudian, there were only two burial traditions in the Upper Paleolithic there. The first, in the north, is associated with the ritual burials of children (Mal'ta, Ushki, Upward Sun River) and suggested to be originated in the Eastern Europe, but seems was not inherited by the regular burial activity arose later in the Early Neolithic. The second, in the south, came up immediately as a regular burial practice being connected with cave interments, crouched position of the dead, after-death manipulations with their bodies, including cremation, and poor burial offerings (Xom Trai, Doi Pha Kan, Tron Bon Lei, Niah cave, Liang Nabulei Lisa, Liang Lemбуду, etc.). The origin of this tradition is under question, but all Neolithic cultures to the south of Pearl River followed and abided it up to the agriculture spreading. Although ritual rites of the Zhoukoudian burials cannot be reconstructed because of the data dearth, ornaments assemblage definitely associates this site with north areas of Eurasia. Moreover, the distribution of the main jewelry types, found in the eastern part of Eurasia, has shown that those of Zhoukoudian cave (perforated animal teeth and bone tubes) are met to the sites located to the north, west and south-west of Baikal and absent to the east of it where eggshell beads were popular. This looks like that of the single area of two former kinds of ornaments was split into two parts by the eggshell bead bearers. From this, the Zhoukoudian cave has seemed culturally more associated with areas to the west of Baikal and the earliest waves of *Homo sapiens* intrusion into East Asia.

Keywords: East Asia, Zhoukoudian cave, burial practice, ornaments, radiocarbon dating.

For citation: Yanshina O. V. Origins of Burial Practices in Eastern Part of Eurasia: The Case of Zhoukoudian Cave. *Bulletin of the Irkutsk State University. Georchaology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2022, Vol. 41, pp. 81–91. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.41.81> (in Russ.)

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение: первые погребения на востоке Евразии

Верхняя пещера Чжоукоудянь довольно хорошо известна специалистам, но в основном по работам антропологов, а не как погребальный комплекс. Поэтому есть все основания рассмотреть ее материалы именно под этим углом зрения, чтобы понять, как они вписываются в общую линию развития погребальных практик на востоке Азии.

Помимо Чжоукоудяня, на севере Азии, единственная находка палеолитического погребения сделана в Мальте. Оно расположено на открытой стоянке внутри каменной конструкции типа ящика, вкопанного в яму: две вертикальные плиты были перекрыты сверху третьей. Дно ямы пересыпано красной охрой. Погребенный был ребенком 3–4 лет, а среди его костей найдены останки еще одного. Основной костяк лежал на спине в вытянутом положении. Погребальный инвентарь представлен украшениями (бусы, подвески и др. – всего >120 шт.), фигуркой птицы, орнаментированной пластиной, костяными и кремневыми изделиями (проколкой, ножом и др.) [Бадер, 1967; Липнина, 2002].

Возраст мальтинской находки ~25 тыс. кал. л. н. При этом и сам характер памятника, и особенности обряда (в жилой зоне, с использованием перекрытия и охры), и погребальный инвентарь (украшения + оружие), и генетические данные позволяют связывать погребение с граветтским кругом памятников Восточной Европы [Upper Palaeolithic Siberian ... , 2014]. Кроме того, тот факт, что здесь были захоронены дети, роднит эту стоянку с иными местонахождениями человеческих останков на юге Сибири, так как среди них преобладают именно дети: на шести памятниках найдено 8–9 детей и только трое взрослых [Шпакова, 2001]. И судя по всему, погребение в Мальте отражает не столько собственно рядовую погребальную практику, сколько некий ритуал или обряд, в котором центральное место занимало захоронение детей.

Отчасти согласуются с этой картиной и погребения позднего времени, сделанные на Камчатке (Ушки-1) [Диков, 1993] и севере Америки (Апуорд Сан-Ривер, Энзик) [Powell, 2005, p. 137–138; A Terminal Pleistocene ... , 2011; New insights ... , 2014; Reassessing the chronology ... , 2018]. Все эти памятники связывают с Мальтой не только генетическая близость погребенных [The genome of a late ... , 2014; Two contemporaneous mitogenomes ... , 2015], но и особенности обряда: обильная засыпка охрой и богатый погребальный инвентарь, включающий «взрослое» охотничье оружие, а на ст. Ушки-1 и Апуорд Сан-Ривер еще и расположение погребений непосредственно около очагов. Интересно и то, что во всех случаях, кроме Энзика, в погребениях найдены по два ребенка, что перекликается и с погребениями на некоторых западноевропейских памятниках (см. Кремс-Вахтберг, Сунгирь) [Бадер, 1967; Ancient DNA reveals ... , 2020].

На юго-востоке Азии погребения появляются также только в конце верхнего палеолита, причем с ними связана достаточно мощная традиция, представленная десятками памятников, раскиданных по огромной территории, начиная с севера Индокитая и заканчивая островами, лежащими к востоку от линии Уоллеса, но большая их часть находится в хоабиньской зоне. Некоторые из них датированы в пределах 22–18 тыс. кал. л. н. (Лянг Лемдубу, Май да Нгуом, Сом Чай, Май да Диеу), но основная масса имеет датировки, начинающиеся с 15–14 тыс. кал. л. н. (Там Лод, Дои Фа Кан, Ханг Муои, Там Ханг, Конг Мог, пещера Ниа, Лянг Набулеи, Трон Бон Леи и др.) [Sim, Thorne, 1990; Bulbeck, 2001, 2006; Goh, 2014; A prehistoric flexed ... , 2015; Bone modifications ... , 2015; Lloyd-Smith, 2012; Discovery of an outstanding ... , 2019; Hunter-Gatherer Mortuary Variability ... , 2022].

Погребальные практики здесь разнообразны, но мера их вариабельности еще до конца не установлена. Наиболее общими их чертами являются расположение погребений в пещерах, одиночных или небольшими группами, скорченное труположение, посмертные манипуляции с телами, в том числе кремации, а

также использование камней для оформления или маркировки могил. Погребальный инвентарь чаще всего отсутствует или малочислен (рыболовные крючки, раковины, зубы, челюсти животных, топоры, отбойники и терочные инструменты, очень редко – украшения из раковин). Иногда встречается охра – в основном на камнях, но иногда и прямо на костях погребенных.

Истоки данной погребальной традиции пока непонятны. Они могут быть связаны как с Юго-Восточной Австралией, где известны более ранние захоронения со сходными элементами обряда [Pardoe, 1993], но на открытых участках местности, так и с Передней Азией [Maher, Richter, Stock, 2012; Olszewski, 2018]. С последними их роднит использование пещер для погребений и камней для их оформления, скорченное труположение, присутствие терочных орудий среди погребального инвентаря. Четким маркером этой погребальной традиции является также антропологический облик погребенных, которые имеют австрало-меланезийские или австрало-негроидные черты.

Судя по количеству погребений и захороненных индивидов, данная погребальная традиция была связана уже не с исключительными, а с регулярными захоронениями. Позднее их масштаб нарастает, а к 9 тыс. кал. л. н. здесь появляются уже целые кладбища, часто ассоциированные с раковинными кучами. Никаких явных закономерностей в ее пространственно-временной динамике пока не просматривается, однако можно отметить, что в самом начале голоцена восходящие к ней погребения появляются на северо-востоке Китая и в Японии. Многие элементы обрядности, характерные для этой традиции, были также заимствованы ранними земледельцами среднего течения Янцзы [Яншина, 2021].

Наш беглый обзор, таким образом, показывает, что, если не считать Чжоукоудяня, первые погребения на востоке Евразии появляются в интервале 25–18 тыс. кал. л. н. При этом на севере и юге погребальные практики развивались по разным траекториям. На севере они оказались связаны с ритуальным захоронением детей и населением, имеющим восточноевропейские корни, но в дальнейшем на их основе никакой массовой погребальной деятельности не возникло. Она зарождается здесь только на рубеже мезолита и неолита, причем сугубо в Байкальском регионе и земледельческих районах Северного Китая. Более того, в неолитических погребениях этих регионов более ранняя погребальная традиция никак не проявила себя. На юге, напротив, уже самые первые погребения дали толчок к формированию регулярных и весьма своеобразных погребальных практик, многие из которых просуществовали, пусть и с изменениями, вплоть до современности.

Человеческие останки из Верхней пещеры Чжоукоудянь

Верхняя пещера представляет собой узкую субвертикальную полость, выходящую на вершину скалы. Ширина ее несколько метров, а глубина около десяти. В верхней части с ней соединяется боковая галерея, имеющая горизонтальный пол и еще один выход с удобной привходовой площадкой. Эта галерея разделяет отложения, накопившиеся в вертикальной полости, на верхнюю (слои 1–2) и нижнюю (слои 4–5) части, а заполнение ее составляет слой 3. В основании вертикальной полости имелась яма, заполненная целыми тушами животных, которую интерпретируют как естественную яму-ловушку.

В 1930-х гг. в пещере были обнаружены останки восьми человек (пять взрослых и три ребенка) в сопровождении фаунистических остатков и серии артефактов, среди которых 25 кремневых и кварцевых орудий и отщепов без обработки, костяная игла с ушком длиной 8,2 см, рог благородного оленя и фрагмент челюсти пятнистого оленя со следами шлифовки, кусочки гематита и охра, а также более 125 подвесок из зубов животных, 7 каменных бусин, 3 морские раковины южного происхождения с отверстиями, 4 костяные подвески, в том числе одна из кости рыбы, и одна галька со сверленным отверстием. Перечисленные находки были неравномерно распределены по всей 10-метровой толще отложений. Кости человека и украшения обнаружены в слоях 1 и 2, а также в верхней части слоя 4, в том числе из слоя 4 происходят три черепа. В слое 3, разделявшем горизонты с останками людей, найдены только скопления пепла и каменные орудия [Kamminga, Wright, 1988; Norton, Gao, 2008; Re-dating Zhoukoudian ... , 2018; рис. см.: The origin and evolution ... , 2018]

К сожалению, большая часть находок, включая все черепа, была утрачена во время Второй мировой войны, а сохранившаяся полевая документация не дает возможности восстановить планиграфическое и стратиграфическое соотношение артефактов и человеческих останков, как и какие-либо иные особенности их залегания [Kamminga, Wright, 1988, с. 742].

Уже в момент раскопок исследователям стал понятен необычный характер памятника. На наличие в пещере погребений человека, помимо его останков, указывали также и другие обстоятельства – необычный состав находок, залегание части посткраниальных костей в сочлененном положении (скольких и каких костей – ?), а также тот факт, что на одном из черепов были обнаружены частички охры, а рядом с ним – каменные подвески. С тех пор этот памятник фигурирует в литературе как погребальный, хотя нельзя исключать, что пещера могла использоваться и в качестве обычной стоянки.

На это указывают скопления пепла в заполнении горизонтальной галереи, а также находки орудий труда и отщепов, правда, в очень небольшом количестве, указывающем на «эфемерность» стоянки. В то же время здесь найдено огромное количество фаунистических остатков, в том числе со следами горения и разделения туш человеком [Norton, Gao, 2008], что, в свою очередь, плохо соотносится с малочисленностью орудий. Вопрос, таким образом, не имеет однозначного ответа. Следует также учитывать, что пещера располагалась на самой вершине сопки и поэтому была мало пригодна для постоянной стоянки. Этому могло препятствовать и наличие глубокой ямы у ее задней стенки.

Проблемы датирования

Как бывает в подобных случаях, датировки пещеры Чжоукоудянь рисуют очень противоречивую картину. Радиоуглеродные даты 1970–1980 гг. определяли ее возраст в интервале от 10 до 33,5 тыс. ^{14}C л. н. [Kamminga, Wright, 1988; Chen, Hedges, Zhenxin, 1989, 1992]. При этом только четыре из них имели привязку к отложениям: две даты по костям животных из самого нижнего слоя 5 ($18\,340 \pm 410$ и $18\,865 \pm 420$ ^{14}C л. н.) и две такие же даты из вышележащего слоя 4 ($10\,470 \pm 360$ и $10\,174 \pm 360$ ^{14}C л. н.). В 2018 г. была получена новая серия из 11 радиоуглеродных дат, согласно которой слой 1 имеет возраст от $29\,980 \pm 350$ до $30\,440 \pm 382$ ^{14}C л. н., слой 2 – от $34\,700 \pm 600$ до $43\,200 \pm 1700$ ^{14}C л.

н., а слой 4 – от $32\,800 \pm 500$ до $40\,400 \pm 1200$ ^{14}C л. н. В результате для человеческих останков и иных находок был принят возраст 30–32,8 тыс. ^{14}C л. н. или 33,5–38,4 тыс. кал. л. н. [Re-dating Zhoukoudian ... , 2018].

Надо отметить, новые датировки прекрасно соотносятся с данными антропологов о недифференцированном облике людей, останки которых обнаружены в пещере [Васильев, Березкин, Козинцев, 2009, с. 122]. Как известно, среди них были идентифицированы мужчина, близкий по фенотипу к современным айнам, кавказцам, австрало-меланезийцам и даже европейскому кроманьонцу, а также две женщины меланезийского и эскимосского облика [Kamminga, Wright, 1988; Narvati, 2009], по меткому выражению российских авторов, «настоящий Ноев ковчег» [Васильев, Березкин, Козинцев, 2009, с. 122]. Кроме того, эти датировки хорошо согласуются и с обликом каменных артефактов, отличающихся архаизмом и отсутствием микропластинчатой техники, характерной для поздних этапов верхнего палеолита в Китае [Shen, Zhang, Gao, 2016, p. 10]. В то же время новая серия дат превращает пещеру Чжоукоудянь в самый ранний погребальный комплекс Восточной Евразии, причем между ней и другими погребениями этого региона образуется разрыв в 10–15 тысячелетий.

Надо также отметить, что последние датировки довольно кучные, хотя датируют они, в отличие от всех предыдущих, всю десятиметровую толщу отложений. Это свидетельствует о том, что накопилась эта толща довольно стремительно, и поднимает вопрос о происхождении целой серии более молодых дат, полученных в разные годы из разных горизонтов, в том числе и из самого нижнего слоя 5. Попытка объяснить это расхождение преимуществами новых, более продвинутых методов датирования получила недавно критическую оценку [Кузьмин, 2018], а следовательно, вопрос этот остается открытым и постоянно намекает на возможность присутствия в пещере поздних материалов.

Здесь надо напомнить, что в свое время на основании ряда наблюдений была выдвинута гипотеза о том, что находки в пещере должны быть датированы рубежом плейстоцена и голоцена. В значительной мере она базировалась на известных тогда датах, но не только. В этой связи обращалось внимание на тот факт, что кости человека и украшения залегали на двух уровнях с разницей в 6–8 м, к тому же разделенные относительно стерильным слоем 3 – заполнением горизонтальной галереи [Kamminga, Wright, 1988].

Вверху в слое 2 были найдены посткраниальные кости человека и непотроженный кластер украшений, состоявший из 28 зубов лисицы и барсука, тогда как внизу в слое 4 – черепа и все остальные находки. Захоронение в нижней части могло быть сделано из горизонтальной галереи – в нише у задней ее стенки, тогда как захоронение в верхней части – только через верхний вход, при этом вся вертикальная полость к этому моменту уже должна была быть заполнена отложениями на большую часть своей высоты.

Это последнее обстоятельство указывало на более поздний возраст верхнего захоронения, а сходство находок, сопровождающих останки людей в верхней и нижней частях толщи, – на небольшую его разницу. Предполагалось, что через верхний вход в вертикальную полость могли проникать осадки, способствовавшие как быстрому ее заполнению, так и переносу находок вниз, что подтверждалось серией наблюдений: разбросом датировок, наличием большого количества фаунистических остатков со следами погрызов, а также находкой фрагмента

шлифованной птичьей кости в слое 2, которая совпадала с тремя другими ее обломками из слоя 4. При внимательном изучении полевой документации было, кроме того, установлено, что в нижней выемке встречались единичные артефакты из кварца и кремня, а также горелые кости и кости со следами разделки туш человеком, что возможно объяснить только их перемещением сверху [Norton, Gao, 2008].

Из предложенных тогда аргументов заслуживают внимания также присутствие в отложениях памятника семян каркаса корейского, а также не вполне обычный для верхнего палеолита состав фауны. Сравнительный анализ показал, что в Чжоукоудяне имеется только три вымерших вида животных из 42 идентифицированных, или всего 7 %, тогда как на других стоянках того же или чуть более раннего времени эта цифра варьирует от 18 до 55 % [Dong, Fu, Huang, 2010]. Кроме того, представлены в пещере и виды, которые на севере Китая становятся объектом добычи человека только накануне голоцена – птицы, рыба, мелкие хищники и др. О позднем возрасте фаунистического комплекса может свидетельствовать и доминирование в нем оленей – пятнистого и благородного [Norton, Gao, 2008], так как переход к их преобладающей эксплуатации на севере Китая намечился также только накануне голоцена [Яншина, 2021, с. 56–57].

Украшения и их значение для поиска аналогий

Украшения являются практически единственной категорией находок в пещере, которая позволяет вписать ее материалы в археологическую систематику. Их набор типичен для верхнего палеолита Северной Евразии и включает просверленные зубы животных, костяные трубчатые пронизки, каменные плоские кольцевидные бусы и морские раковины. Более того, он почти полностью исчерпывает все разнообразие встречающихся здесь в палеолите серийных типов украшений [Vanhaeren, d’Errico, 2006]. Не противоречит сказанному и очень ранний возраст Чжоукоудяня, так как на востоке Азии первые памятники с подобными украшениями появляются 45–30 тыс. кал. л. н. [Initial Upper Palaeolithic ... , 2020]. Однако экстраординарными являются их количество и связь с погребениями: нигде в мире в это время такое сочетание не зафиксировано.

Подвески из зубов животных, доминирующие в Чжоукоудяне, на западе Евразии начинают сопровождать тела умерших с 34–33 тыс. кал. л. н., а сопоставимые с Чжоукоудянем серии украшений – только начиная с 30–28 тыс. кал. л. н. [Pettitt, 2011, p. 207–208]. На востоке Евразии столь же массовая серия находок происходит только из погребения в Мальте, возраст которого 25 тыс. кал. л. н. Впрочем, сколько точно подвесок из зубов животных было найдено в пещере, теперь не вполне понятно, поскольку недавно среди сохранившихся их экземпляров были обнаружены современные подделки, и сколько их было, не ясно [The origin and ... , 2018, с. 7–8].

Надо также отметить, что находки в Чжоукоудяне несколько нарушают и картину пространственного распределения украшений. Специальные исследования показали, что на западе Евразии уже в палеолите выделялись ареалы со своим набором характерных украшений [Vanhaeren, d’Errico, 2006]. Хотя восточные памятники с этой точки зрения еще не изучены, в локализации отдельных видов украшений и здесь просматривается некоторая закономерность. Так, на западе и севере их общего ареала (Алтай, Ангара, Енисей, Яна) были более распространен-

ны подвески из зубов животных и трубчатые пронизки, а на востоке (Забайкалье и Монголия) – бусы из скорлупы страусовых яиц [см. сводку находок: Initial Upper Palaeolithic ... , 2020]. Чуть позднее последние распространяются и на территориях Северного Китая – вплоть до Пекина [The origin and evolution ... , 2018]. Причем эта граница, по-видимому, не случайная, так как в последующие эпохи различия между памятниками, лежащими к западу и востоку от Байкала, только усиливались.

По своему расположению пещера Чжоукоудянь вписывается в круг забайкальско-северокитайских памятников, но в ее наборе украшений доминируют именно подвески из зубов животных, а также есть трубчатые костяные пронизки, характерные для западных стоянок. Получается, что единый ареал этих двух типов украшений оказался как бы разорван памятниками с находками почти исключительно страусовых бусин. Как объяснить это своеобразие, пока непонятно, но интересно, что к востоку от Пекина, на самом юге Маньчжурии, известен еще один памятник сопоставимого с Чжоукоудянем возраста, пещера Сяогушань, где были обнаружены четыре подвески из зубов животных.

На основании такого распределения украшений было сделано предположение о существовании в верхнем палеолите культурной границы, проходящей примерно через 112-й меридиан [The origin and evolution ... , 2018], что в целом не лишено основания, поскольку в дальнейшей истории эта граница действительно обозначилась вполне отчетливо, разделяя зоны влияния континентальных и тихоокеанских культур. Вопрос, однако, в том, как проникли так далеко на восток эти виды украшений, минуя территорию, занятую изготовителями страусовых бус, и самое простое объяснение – более ранний возраст Чжоукоудяня и его более тесная связь с населением, занимавшим территорию к западу и юго-западу от Байкала.

И наконец, нужно обратить внимание на сочетание архаичной и традиционной для Китая каменной индустрии и явно неместных по своему происхождению украшений. С этой точки зрения материалы Чжоукоудяня хорошо соотносятся с северокитайскими. Интрузии ранневерхнепалеолитических новаций не приводили на севере Китая к радикальным изменениям каменных индустрий и смене населения, осуществляясь, видимо, путем избранного заимствования через сетевые связи. Но Чжоукоудянь отделяет от ареала подвесок из зубов животных настолько огромное расстояние, что логичнее предположить какую-то прямую миграцию пусть и очень небольшой группы людей.

Заключение

Приведенные выше материалы явно указывают на уникальный характер материалов пещеры Чжоукоудянь. На протяжении вот уже почти ста лет она остается на востоке Евразии единственным памятником своего рода, получение же новой серии ранневерхнепалеолитических дат усиливает это впечатление еще больше. Нигде больше ни погребения, ни такое изобилие украшений этого возраста не найдены. На этом фоне сразу возникают вопросы, действительно ли в Чжоукоудяне найдены погребения и насколько реалистичны принятые их датировки, но однозначного ответа на них нет.

Неопровержимых аргументов в пользу намеренного захоронения людей нет, а сопоставление материалов пещеры с другими памятниками ничего не дает из-за

отсутствия внятных данных о ее погребальном обряде. Общие обстоятельства находки (использование пещеры, неполный состав костяков) связывают Чжоукоудянь с южной погребальной традицией, но на юге погребений столь раннего возраста нет. В то же время как на севере, так и на юге разрозненные кости людей часто находят на обычных стоянках, и, возможно, именно с таким случаем мы имеем дело в Чжоукоудяне. Однако с этим разумным предположением плохо согласуется необычный состав находок в пещере.

Более того, не типичны материалы Чжоукоудяня и для раннего голоцена. Хотя в это время вдоль восточного побережья Китая действительно начинают появляться первые погребения с южными чертами (скорченная поза, избрание пещер для захоронений, сопровождающие обряды), набор украшений определенно связывает Чжоукоудянь с северной частью Евразии, а в это время таковые здесь уже не встречаются. Микропластинчатые комплексы, сменившие индустрии ранневерхнепалеолитического облика, отличались почти полным отсутствием украшений, за исключением редких находок бус из скорлупы страусовых яиц и раковин моллюсков. Подвески из зубов животных и трубчатые пронизки появляются вновь только в памятниках раннего неолита на Байкале.

В свете этих наблюдений можно отметить, что Верхняя пещера Чжоукоудянь действительно мало что дает нам для понимания ранних этапов становления погребальной практики на востоке Азии, тем не менее ее материалы могут представлять определенный интерес для разработки проблемы заселения этого региона сапиенсами.

Отмеченные пространственные особенности в распределении украшений отчасти согласуются с генетическими данными, которые противопоставляют первых сапиенсов, известных к западу и востоку от Байкала (Тяньюань, Салхит и AR33K) [The genetic history ... , 2016; The population history ... , 2019; The deep population ... , 2021]. И те и другие имели общие гены с палеолитическим населением Восточной Европы, но к востоку от Байкала они были выражены гораздо слабее и, возможно, восходили к иным линиям. Долгое время было непонятно, как с данными генетиков соотносятся археологические источники. Анализ материалов пещеры Чжоукоудянь, возможно, приоткрывает эту завесу. С одной стороны, набор украшений подтверждает участие западного компонента в освоении территорий, находящихся далеко за Байкалом, возможно, отражая культуру самой ранней волны сапиенсов, достигших тихоокеанского побережья через Евразийские степи. С другой стороны, он позволяет увидеть некоторые культурные различия, проявившиеся еще в эпоху раннего верхнего палеолита между районами, лежащими к западу и востоку от Байкала.

Список литературы

- Бадер О. Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // Советская археология. 1967. № 3. С. 142–159.
- Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г. Сибирь и первые американцы. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН, 2009. 167 с.
- Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИ ДВО РАН, 1993. 67 с.
- Кузьмин Я. В. Новые даты Верхней пещеры Чжоукоудяня: когда здесь обитал китайский Homo sapiens? 2018 // АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ: [сайт]. URL: <https://antropogenez.ru/single-news/article/716> (дата обращения 13.07.2022).
- Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследований: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Иркутск, 2002. 310 с.
- Шпакова Е. Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // АЭАЕ. 2001. № 4(8). С. 64–76.

- Яншина О. В. Переход от палеолита к неолиту в Китае. СПб. : МАЭ РАН, 2021. 418 с.
- A prehistoric flexed human burial from Pha Phen, Middle Mekong Valley, Laos: its context in Southeast Asia / N. Tayles, S. Halcrow, T. Sayavongkhamdy, V. Souksavady // *Anthropological Science*. 2015. Vol. 123, N 1. P. 1–12.
- A Terminal Pleistocene Child Cremation and Residential Structure from Eastern Beringia / B. Potter, J. Irish, J. Reuther, C. Gelvin-Reymiller, V. Holliday // *Science*. 2011. Vol. 331. P. 1058–1062.
- Ancient DNA reveals monozygotic newborn twins from the Upper Palaeolithic / M. Teschler-Nicola, D. Fernandes, M. Händel, T. Einwögerer, U. Simon, C. Neugebauer-Maresch, S. Tangl, P. Heime, T. Dobsak, A. Retzmann, T. Prohaska, J. Irrgeher, D. J. Kennett, I. Olalde, D. Reich, R. Pinhasi // *Communications Biology*. 2020. Vol. 3, N 1. P. 650.
- Bone modifications in an early Holocene cremation burial from Palawan, Philippines / M. Lara, V. Paz, H. Lewis, W. Solheim // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2015. Vol. 25, N 5. P. 637–652.
- Bulbeck D. Human Remains from Liang Nabulei Lisa, Aru Islands // *The archaeology of the Aru Islands, Eastern Indonesia* / Ed. by S. O'Connor, M. Spriggs, P. Veth. Canberra : ANU E Press, 2006. P. 163–171.
- Bulbeck D. The Gua Cha burials. Concordance, chronology, demography. Duckworth Laboratory, Cambridge University, England, 2001. 19 p.
- Chen T., Hedges R., Zhenxin Y. Accelerator radiocarbon dating for Upper cave of Zhoukoudian // *Acta Anthropologica Sinica*. 1989. Vol. 8, N 3. P. 216–221.
- Chen T., Hedges R., Zhenxin Y. The second batch of accelerator radiocarbon dates for Upper cave site of Zhoukoudian // *Acta Anthropologica Sinica*. 1992. Vol. 11, N 2. P. 112–116.
- Discovery of an outstanding Hoabinhian site from the Late Pleistocene at Doi Pha Kan (Lampang province, northern Thailand) / V. Zeitoun, P. Auetrakulvit, A. Zazzo, A. Pierret, S. Frère, H. Forestier // *Archaeological Research in Asia*. 2019. Vol. 18. P. 1–16.
- Dong W., Fu R., Huang W. Age and paleoenvironment of Xiaogushan fauna at Haicheng, Liaoning Province // *Chinese Science Bulletin*. 2010. Vol. 55. P. 2704–2708.
- Goh H. M. Cave archaeology of the Lenggong valley, Malaysia: A heritage management perspective. PhD Thesis. Adelaide : Flinders University, 2014. 318 pp.
- Harvati K. Into Eurasia: A geometric morphometric re-assessment of the Upper cave (Zhoukoudian) specimens // *Journal of Human Evolution*. 2009. Vol. 57. P. 751–762.
- Hunter-Gatherer Mortuary Variability in Vietnam / M. Oxenham, A. Willis, L. Nguyen, H. Matsumura // *The Oxford handbook of early Southeast Asia* / ed. by C. Higham and C. Kim. New York : Oxford University Press, 2022.
- Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai / M. Shunkov, A. Fedorchenko, M. Kozlikin, A. Derevianko // *Quaternary International*. 2020. Vol. 559. P. 47–67.
- Kamminga J., Wright R. The Upper Cave at Zhoukoudian and the origins of Mongoloids // *Journal of Human Evolution*. 1988. Vol. 17. P. 739–767.
- Lloyd-Smith L. Early Holocene burial practice at Niah cave, Sarawak // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2012. Vol. 32. P. 54–69.
- Maher L., Richter T., Stock J. The Pre-Natufian Epipaleolithic: Long-Term Behavioral Trends in the Levant // *Evolutionary Anthropology*. 2012, Vol. 21. P. 69–81.
- New insights into Eastern Beringian mortuary behavior: A terminal Pleistocene double infant burial at Upward Sun River / B. Potter, J. Irish, J. Reuther, C. Gelvin-Reymiller, H. McKinney // *PNAS*. 2014. Vol. 111, N 48. P. 17060–17065.
- Norton C., Gao X. Zhoukoudian Upper cave revisited // *Current Anthropology*. 2008. Vol. 49, N 4. P. 732–745.
- Olszewski D. Middle East: Epipaleolithic // *Encyclopedia of Global Archaeology*. Springer, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_682-2
- Pardoe C. The Pleistocene is still with us: Analytical constraints and possibilities for the study of ancient human remains in archaeology // *Sahul in Review: Pleistocene Archaeology in Australia, New Guinea and Island Melanesia* / ed. by M. Smith, M. Springgs, B. Fankhauser. Canberra : Australian National University, 1993. P. 59–70.
- Pettitt P. The paleolithic origin of human burials. London; New-York : Routledge, 2011. 307 p.
- Powell J. The First Americans Race, Evolution, and the Origin of Native Americans. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 268 p.
- Reassessing the chronology of the archaeological site of Anzick / L. Becerra-Valdivia, M. Waters, T. Stafford, S. Anzick, D. Comeskey, T. Devière, T. Higham // *PNAS*. 2018. Vol. 115, N 27. P. 7000–7003.
- Re-dating Zhoukoudian Upper Cave, northern China and its regional significance / F. Li, C. Bae, C. B. Ramsey, F. Chen, X. Gao // *Journal of Human Evolution*. 2018. Vol. 121, P. 170–177. <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2018.02.011>
- Shen C., Zhang X., Gao X. Zhoukoudian in transition: Research history, lithic technologies, and transformation of Chinese Palaeolithic archaeology // *Quaternary International*. 2016. Vol. 400. P. 4–13.
- Sim R., Thorne A. Pleistocene human remains from King Island, Southeastern Australia // *Australian Archaeology*. 1990. Vol. 31, N 1. P. 44–51.
- The deep population history of northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene / X. Mao, H. Zhang, S. Qiao, J. Olsen, E. Bennett, Q. Fu // *Cell*. 2021. Vol. 184. P. 3256–3266.
- The genetic history of Ice Age Europe / Q. Fu [et al.] // *Nature*. 2016. Vol. 534. P. 200–205.
- The genome of a late Pleistocene human from a Clovis burial site in western Montana / M. Rasmussen, S. L. Anzick, M. R. Waters [et al.] // *Nature*. 2014. Vol. 506. P. 225–229. <https://doi.org/10.1038/nature13025>
- The origin and evolution of sewing technologies in Eurasia and North America / F. d'Errico, L. Doyon, S. Zhang, M. Baumann, M. Lázníčková-Galetová, X. Gao, F. Chen, Y. Zhang // *Journal of Human Evolution*. 2018. Vol. 125. P. 71–86.
- The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene / M. Sikora, V. Pitulko, V. Sousa [et al.] // *Nature*. 2019. Vol. 570. P. 182–188.
- Two contemporaneous mitogenomes from terminal Pleistocene burials in eastern Beringia / J. Tackney, B. Pot-

- ter, J. Raff, M. Powers, W. Scott Watkins, D. Warner, J. Reuther, J. Irish, D. O'Rourke // *PNAS*. 2015. Vol. 112, N 45. P. 13833–13838.
- Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans / M. Raghavan, P. Skoglund, K. Graf [et al.] // *Nature*. 2014. Vol. 505, P. 87–91.
- ### References
- Bader O.N. Pogrebeniya v verkhnem paleolite i mogila na stoyanke Sungir [Upper Paleolithic interments and Sungir burial]. *Sovetskaya Arkheologia [Soviet Archaeology]*. 1967. Vol. 3, pp. 142–159. (In Russ.)
- Dikov N. N. *Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoi pervonachalnogo zaseleniya Ameriki [Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in relation to the peopling of America]*. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ., 1993, 68 p. (In Russ.)
- Becerra-Valdivia L., Waters M., Stafford T., Anzick S., Comeskey D., Deviese T., Higham T. Reassessing the chronology of the archaeological site of Anzick. *PNAS*. 2018, Vol. 115, Is. 27, pp.7000–7003.
- Bulbeck D. Human Remains from Liang Nabulei Lisa, Aru Islands. *O'Connor, S., Spriggs, M., and Veth, P. (Eds.) The archaeology of the Aru Islands, Eastern Indonesia*. Canberra, ANU E Press, 2006, pp. 163–171.
- Bulbeck D. *The Gua Cha burials. Concordance, chronology, demography*. Duckworth Laboratory, Cambridge University, England, 2001.
- Chen T., Hedges R., Zhenxin Y. Accelerator radiocarbon dating for Upper cave of Zhoukoudian. *Acta Anthropologica Sinica*. 1989, Vol. 8, Is. 3, pp. 216–221.
- Chen T., Hedges R., Zhenxin Y. The second batch of accelerator radiocarbon dates for Upper cave site of Zhoukoudian. *Acta Anthropologica Sinica*. 1992, Vol. 11, Is. 2, pp. 112–116.
- d'Errico F., Doyon L., Zhang S., Baumann M., Lázničková-Galetová M., Gao X., Chen F., Zhang Y. The origin and evolution of sewing technologies in Eurasia and North America. *Journal of Human Evolution*. 2018, Vol. 125, pp. 71–86.
- Dong W., Fu R., Huang W. Age and paleoenvironment of Xiaogushan fauna at Haicheng, Liaoning Province. *Chinese Science Bulletin*. 2010, Vol. 55, pp. 2704–2708.
- Fu Q., Posth C., Hajdinjak M., Petr M., Mallick S., Fernandes D., Furtwangler A., Haak W., Meyer M., Mittnik A., Nickel A., Peltzer A., Rohland N., Slon V., Talamo S., Lazaridis I., Lipson M., Mathieson I., Schiffels S., Skoglund P., Derevianko A. P., Drozdov N., Slavisky V., Tsybankov A., Grifoni Cremonesi R., Mallegni F., Gély B., Vacca E., González Morales M. R., Straus L. G., Neugebauer-Maresch C., Teschler-Nicola M., Constantin S., Moldovan O. T., Benazzi S., Peresani M., Coppola D., Lari M., Ricci S., Ronchitelli A., Valentin F., Thevenet C., Wehrberger K., Grigorescu D., Rougier H., Revescoeur I., Flas D., Semal P., Mannino M. A., Cupillard C., Bocherens H., Conard N. J., Harvati K., Moiseyev V., Drucker D. G., Svoboda J., Richards M. P., Caramelli D., Pinhasi R., Kelso J., Patterson N., Krause J., Pääbo S., Reich D. The genetic history of Ice Age Europe. *Nature*. 2016, Vol. 534, pp. 200–205.
- Goh H. M. *Cave archaeology of the Lenggong valley, Malaysia: A heritage management perspective*. PhD Thesis. Adelaide, Flinders University, 2014.
- Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // *Journal of Archaeological Science*. 2006. Vol. 33. P. 1105–1128.
- Harvati K. Into Eurasia: A geometric morphometric re-assessment of the Upper cave (Zhoukoudian) specimens. *Journal of Human Evolution*. 2009, Vol. 57, pp. 751–762.
- Kamminga J., Wright R. The Upper Cave at Zhoukoudian and the origins of Mongoloids. *Journal of Human Evolution*. 1988, Vol. 17, pp. 739–767.
- Kuzmin Ya. V. *Novye daty Verkhnei peshchery Chzhoukoudyanya: kogda zdes obital kitaiskii Homo sapiens? [New dates of the Upper Cave of Zhoukoudian: when did the chinese Homo sapiens inhabit here]*. 2018, available at: <https://antropogenez.ru/single-news/article/716/> (date of access: 13.07.2022). (In Russ.)
- Lara M., Paz V., Lewis H., Solheim W. Bone modifications in an early Holocene cremation burial from Palawan, Philippines. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2013, Vol. 25, Is. 5, pp. 637–652.
- Li F., Bae C., Ramseiz C., Chen F., Gao X. Re-dating Zhoukoudian Upper Cave, northern China and its regional significance. *Journal of Human Evolution*. 2018, Vol. 121, pp. 170–177.
- Lipina E. A. *Maltinskoe mestonakhozhdenie paleoliticheskikh kultur: sovremennoe sostoyanie izuchennosti i perspektivy issledovaniy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Paleolithic site of Malta: current state of art and perspectives of research. Cand. histor. sci. syn. diss]*. Irkutsk, 2002. (In Russ.)
- Lloyd-Smith L. Early Holocene burial practice at Niah cave, Sarawak. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2012, Vol. 3, pp. 54–69.
- Maher L., Richter T., Stock J. The Pre-Natufian Epipaleolithic: Long-Term Behavioral Trends in the Levant. *Evolutionary Anthropology*. 2012, Vol. 21, pp. 69–81.
- Mao X., Zhang H., Qiao S., Olsen J., Bennett E., Fu Q. The deep population history of northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene. *Cell*. 2021, Vol. 184, pp. 3256–3266.
- Norton C., Gao X. Zhoukoudian Upper cave revisited. *Current Anthropology*. 2008, Vol. 49, Is. 4, pp. 732–745.
- Oxenham M., Willis A., Nguyen L., Matsumura H. Hunter-Gatherer Mortuary Variability in Vietnam. *Higham C. and Kim C. (Eds.) The Oxford handbook of early Southeast Asia*. New York, Oxford University Press, 2022.
- Olszewski D. Middle East: Epipaleolithic. *Encyclopedia of Global Archaeology*. Springer, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_682-2
- Pardoe C. The Pleistocene is still with us: Analytical constraints and possibilities for the study of ancient human remains in archaeology. *Smith M., Springgs M., Fankhauser B. (Eds.) Sahul in Review: Pleistocene Archaeology in Australia, New Guinea and Island Melanesia*. Canberra, Australian National University, 1993, pp. 59–70.
- Pettitt P. *The paleolithic origin of human burials*. London, New-York, Routledge, 2011. 320 p.

- Potter B., Irish J., Reuther J., Gelvin-Reymiller C., Holliday V. A. Terminal Pleistocene Child Cremation and Residential Structure from Eastern Beringia. *Science*. 2011, Vol. 331, pp. 1058–1062.
- Potter B., Irish J., Reuther J., Gelvin-Reymiller C., McKinney H. New insights into Eastern Beringian mortuary behavior: A terminal Pleistocene double infant burial at Upward Sun River. *PNAS*. 2014, Vol. 111, Is. 48, pp. 17060–17065.
- Powell J. *The First Americans Race, Evolution, and the Origin of Native Americans*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 280 p.
- Rasmussen M., Anzick S. L., Waters M. R., Skoglund P., DeGiorgio M., Stafford Jr. T. W., Rasmussen S., Moltke I., Albrechtsen A., Doyle S. M., Poznik G. D., Gudmundsdottir V., Yadav R., Malaspina A.-S., White 5th S. S., Allentoft M. E., Cornejo O. E., Tambets K., Eriksson A., Heintzman P. D., Karmin M., Korneliusson T. S., Meltzer D. J., Pierre T. L., Stenderup J., Saag L., Warmuth V. M., Lopes M. C., Malhi R. S., Brunak S., Sicheritz-Ponten T., Barnes I., Collins M., Orlando L., Balloux F., Manica A., Gupta R., Metspalu M., Bustamante C. D., Jakobsson M., Nielsen R., Willerslev E. The genome of a late Pleistocene human from a Clovis burial site in western Montana. *Nature*. 2014, Vol. 506, pp. 225–229.
- Raghavan M., Skoglund P., Graf K. E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford Jr. T. W., Orlando L., Metspalu E., Karmin M., Tambets K., Rootsi S., Mägi R., Campos P. F., Balanovska E., Balanovsky O., Khusnutdinova E., Litvinov S., Osipova L. P., Fedorova S. A., Voevodina M. I., DeGiorgio M., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Demeshchenko S., Kivisild T., Villems R., Nielsen R., Jakobsson M., Willerslev E. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans. *Nature*. 2014, Vol. 505, pp. 87–91.
- Sikora M., Pitulko V., Sousa V., Allentoft M., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M. A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S. V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E. Y., Chasnyk V. G., Nikolskyi P. A., Gromov A. V., Khartanovich V. I., Moiseyev V., Grebenyuk P. S., Fedorchenko A. Yu., Lebedintsev A. I., Slobodin S. B., Malyarchuk B. A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J. U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R. S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M. M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D. J., Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*. 2019, Vol. 570, pp. 182–188.
- Shen C., Zhang X., Gao X. Zhoukoudian in transition: Research history, lithic technologies, and transformation of Chinese Palaeolithic archaeology. *Quaternary International*. 2016, Vol. 400, pp. 4–13.
- Shpakova E.G. Odontologicheskie materialy perioda paleolita na territorii Sibiri [Odontological data of Siberian Paleolithic]. *Arkhеologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*. 2001, Vol. 4, Is. 8, pp. 64–76. (In Russ.)
- Shunkov M., Fedorchenko A., Kozlikin M., Derevianko A. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International*. 2020, Vol. 559, pp. 47–67.
- Sim R., Thorne A. Pleistocene human remains from King Island, Southeastern Australia. *Australian Archaeology*. 1990, Vol. 31, Is. 1, pp. 44–51.
- Tackney J., Potter B., Raff J., Powers M., Scott Watkins W., Warner D., Reuther J., Irish J., O'Rourke D. Two contemporaneous mitogenomes from terminal Pleistocene burials in eastern Beringia. *PNAS*. 2015, Vol. 112, Is. 45, pp. 13833–13838.
- Tayles N., Halcrow S., Sayavongkhamdy T., Souksavatdy V. A prehistoric flexed human burial from Pha Phen, Middle Mekong Valley, Laos: its context in Southeast Asia. *Anthropological Science*. 2015, Vol. 123, Is. 1, pp. 1–12.
- Teschler-Nicola M., Fernandes D., Händel M., Einwögerer T., Simon U., Neugebauer-Maresch C., Tangl S., Heime P., Dobsak T., Retzmann A., Prohaska T., Irgeher J., Kennett D.J., Olalde I., Reich D., Pinhasi R. Ancient DNA reveals monozygotic newborn twins from the Upper Palaeolithic. *Communications Biology*. 2020, Vol. 3, Is. 1, pp. 650.
- Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments. *Journal of Archaeological Science*. 2006, Vol. 33, pp. 1105–1128.
- Vasiliev S. A., Berezkin Yu. E., Kozintsev A. G. *Sibir i pervye amerikantsy [Siberia and first americans]*. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., MAE RAN Publ., 2009, 167 p. (In Russ.)
- Yanshina O. V. *Perekhod ot paleolita k neolitu v Kitae [Paleolithic-to-Neolithic transition in China]*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2021, 418 p. (In Russ.)
- Zeitoun V., Auetrakulvit P., Zazzo A., Pierret A., Frère S., Forestier H. Discovery of an outstanding Hoabinhian site from the Late Pleistocene at Doi Pha Kan (Lampang province, northern Thailand). *Archaeological Research in Asia*. 2019, Vol. 18, pp. 1–16.

Сведения об авторе

Яншина Оксана Вадимовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнографии народов Америки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
e-mail: oyanshina@mail.ru

Information about the author

Yanshina Oksana Vadimovna

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of ethnography of the peoples of America, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS; 3, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
e-mail: oyanshina@mail.ru